

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *Петра Петрова*

Рубина, Дина.

Р82 Бонжорно, команданте! / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-112895-1

Рим, Амстердам, Прованс, Гейдельберг... Повезло тем городам и местечкам, которые зажили в прозе Дины Рубиной самостоятельной жизнью! Навек останутся они в памяти читателей. Даже тех, которым не довелось увидеть эти пространства своими глазами. Рассказы Д. Рубиной о путешествиях – это не обычные травелоги. Внимание в них сосредоточено не на перечислении памятников культуры. Это всегда истории о судьбах людей, через которые и приоткрывается гений места. Образ госпожи Ван Лоу, не пожелавшей «награды за судьбу» («Школа света»), обнажает суровый и благородный характер жителей Дельфта не меньше, чем малые и большие голландцы в его музеях. Легенда о семье Марии, возродившей виллу «Утешение» («Вилла «Утешение»), говорит о вере итальянцев в рок яснее, чем останки Помпей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д. Рубина, 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-112895-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

СУДЬБИННАЯ ГЛУБИНА ГОРОДОВ

Дринято повторять, что каждый город, во всяком случае, тот, чье имя на слуху у человека любой государственной принадлежности, имеет свой неповторимый характер, душу и язык, на котором он обращается к приезжим и к своим обитателям. То, что еще в древности называлось *genius loci*, дух-покровитель, «гений места».

Об этом самом «гении места», а иными словами, о душе города, написано множество книг, которые все равно ничего толком не объясняют, ибо обращены к любознательности путешественника, а любознательность питается фактами и датами, отнюдь не розовым отблеском утреннего света, что скользит по головам почерневших от времени статуй Карлова моста.

Я же всю жизнь гоняюсь именно за этим: за шелестом мокрых деревьев, за утренним говорком неизвестной местной птички, за непривычной кладкой булыжников на крошечной площади, за грустноватым выражением слуховых

ДИНА РУБИНА

оконец где-нибудь в старых приземистых домах Малой страны.

Исходя из этих моих предпочтений, а также из суммы добытых, застигнутых, извлеченных из воздуха и окрестного пространства невесомых трофеев, годных разве что для литературы, Прага отзывается моей душе гораздо теплее, ярче, нежнее, чем остальные города. (За исключением, конечно, Иерусалима; но у этого *места* не одна, а сразу несколько огнедышащих душ, — как голов у дракона, и точно так же, как у дракона, на месте отрубленной стремительно вырастает другая.)

Я полагаю, об этом дуэте, об упоительном и всегда индивидуальном танце великой души города с частной и преходящей душой человека только и стоит писать, если берешься описывать перемещения в пространстве.

Многое в этом решает личность художника, писателя, философа — род занятий неважен, важна скорее судьбинная глубина, — с именем которого связано и имя города. Чаще всего эта связь является нам в коммерческой суете и расхожих символах вроде облика Франца Кафки на футболках, чашках и брелоках... Это оборотная сторона подлинной славы: то, что Франц Кафка родился и жил в Праге, знает и тот, кто романов его не читал и прочесть не в состоянии.

Отправляясь в Прагу, ты готов к мельтешению этих торговых марок.

Но есть иные встречи, удивительные, будто подстроенные судьбой: так я, с томиком писем

СУДЬБИННАЯ ГЛУБИНА ГОРОДОВ

Ван Гога, оказалась на вилле в Сен-Дени, маленьком городке в Провансе, рядом с психиатрической лечебницей, где закончил свои дни великий художник. И вот тут уже ты, с изрядной долей страха, ощущаешь диалог не с местностью, а с куда более ирреальными силами.

Камертоном настроения любой «новеллы странствий» служит, как правило, какая-либо сцена, часто неожиданная, наблюдать которую тебе случайно привелось. Так, исходив Прагу, вдоволь напитавшись красотой ее фасадов и крыш, заполнив несколько блокнотов, писать о ней всерьез я захотела лишь после того, как увидела на Карловом мосту небольшую толпу слушателей заурядного джаз-банда; лицо одной пожилой, мечтательно зажмурившейся туристки, и тихое покачивание ее в такт музыке — послужило тем толчком, тем внутренним импульсом, которого всегда ждет писатель, приступая к работе.

И еще в моих путешествиях есть одна особенность: тогда, когда поездка предусматривает «разведку боем», то есть подготовку к написанию книги, провидение, или как там его назвать, мой литературный ангел, — короче, кто-то там, по моей профессиональной части, — всегда посылает мне в помощь достойного проводника. Не могу забыть, как, составив маршрут по Испании и уже заказав билеты, я вдруг поняла, что эта, туристическая, по сути, поездка ничем мне помочь не сможет. Ведь испанцы, в отличие

ДИНА РУБИНА

от многих прочих европейских народов, по-английски почти не говорят. И значит, уготована мне участь обычного туриста, которому страна открывается исключительно глянцевою стороной путеводителей.

И вдруг за два дня до отъезда получаю письмо от женщины, полуиспанки, полурусской, родившейся в Москве, которую после окончания школы мать и бабушка увезли в Севилью, где она и живет до сих пор. Она писала по прочтении одного из моих романов; приглашала приехать, уверяла, что если когда-нибудь мне захочется побывать в Испании, что если когда-нибудь приведет судьба...

«Дорогая Лола! — написала я ей в ответ. — В Испанию меня приведет судьба послезавтра».

И замечательная Лола приехала из Севильи к нам в Кордову, и мы провели вместе незабываемый день, а потом еще год переписывались с ней, так что роман «Белая голубка Кордовы» своими реалиями сугубо частной испанской жизни, до которой очень редко добираются туристы, во многом обязан именно ей, Лоле Диас.

И, наконец, самое главное, самое сокровенное: любое путешествие таит неожиданную встречу с соотечественниками, которых разметало по всему свету, за душой у которых обязательно есть новелла о жизни, о перенесенных трудностях, о победе над судьбой, или о поражении. А иногда... иногда ты встречаешь настоящий перл уникального сюжета. И выслушав героя, и расставшись

СУДЬБИННАЯ ГЛУБИНА ГОРОДОВ

с ним, унося в блокнотике несколько заветных страниц для будущего рассказа, повести, новеллы, ты в очередной раз мысленно благодаришь провидение, своего литературного ангела, — короче, кого-то там по нашей профессиональной части, — чье старательное воображение никогда не оскудевает, чьи усилия никогда не пропадают даром.

Дина Рубина

ВИЛЛА «УТЕШЕНИЕ»

Рине Браиловской

Случилось так, что в начале той осени, в день своего рождения, я проснулась в Риме, в отеле на виа Систина, — как всегда, в пять тридцать утра.

Сначала я неподвижно лежала, следя за тем, как вкрадчиво ползет по высокому потолку стебель солнечного света, и думала: я счастливый человек, мне пятьдесят, у меня живы родители, и я в Риме...

Мне пятьдесят, думала я, осторожно поворачивая так и сяк новую эту, оглушительную дату, я счастливый человек, я написала кое-какие книги... мои дети при мне, и родители живы, и мне пятьдесят, и я — в Риме, я в Риме, я в Риме!

Накануне мы с моей подругой, которая спала сейчас на соседней кровати, заблудились в парке виллы Боргезе. Сначала бродили по аллеям, спланированным некогда лучшими архитекторами Италии, между стволов головокругительных пиний, говоря о таких вещах, о которых даже с близкими говоришь, только оказавшись вне обыденного круга; затем, уже в сумерках, спо-

ВИЛЛА «УТЕШЕНИЕ»

хватились, что не понимаем — куда идем, бодро направились в противоположную сторону и оказались в какой-то глухомани с безответными белоглазыми античными статуями...

И не испуганные еще, но иронически растерянные, наперебой пустились выуживать из памяти гумилевские строки:

— «В аллеях сумрачных затерянные пары / Так по-осеннему тревожны и бледны, / Как будто полночью их мучают кошмары...»

Четвертая строка не давалась, не шла, а между тем нешуточно темнело, нас обнимала зловещая, как чудилось, тишина... Тогда две встревоженные дамочки потрусили наугад куда-нибудь...

— «Здесь принцы грезили о крови и железе, / А девы нежные о счастья вдвоем, / Здесь бледный кардинал пронзил себя ножом...»

И правильно сделал, сукин сын, заметила моя подруга, прибавляя шагу, — вымогатель, вор, бандит, вся эта коллекция картин на вилле — неправедное имущество... Я возразила, поспевая за ней, что это мог быть и другой кардинал, не Сципионе Боргезе... Все они одним миром мазаны, отвечала та, все бесстыдно обирали художников...

Мы покружили еще в «аллеях сумрачных», накапливая паническую усталость, пока наконец не вышли к смутному за деревьями просвету, откуда слабо доносилось шевеление электрической туши огромного города.

— «Но дальше, призраки! / Над виллою Боргезе / Сквозь тучи золотом блеснула вышина, / То учит забывать встающая луна...»

ДИНА РУБИНА

Луна, как выяснилось, уже встала — мраморная римская луна, фрагмент археологической добычи. Мы спустились с холма и минут через двадцать вышли на пьядца де Треви, к легендарному фонтану, вокруг которого не протолкнуться было от туристов.

Из мягко подсвеченной арки Академии Святого Луки по-хозяйски выступал мужиковатый Нептун, в гигантскую раковину которого впряжены были плавно рвущиеся вперед морские кони Николы Сальви. И вся эта совершенно театральная сцена гудела, жужжала, рокотала водой, прикатившей сюда по древнему акведуку, сооруженному еще полководцем Агриппой задолго до нашей юной эры, в—страшно выгодно! — девятнадцатом, опрокинутом в вечность, столетии, звучала голосами, музыкой, детскими возгласами...

Становясь к фонтану спиной, туристы через плечо кидали в воду монетки...

...Бледный солнечный побег достиг наконец гардин и стал медленно прорастать сквозь синюю ткань... Я тихо поднялась, оделась и, стараясь не лязгнуть ключом, вышла из номера.

Подслеповатая, из-за опущенных жалюзи, виа Систина с медленным скрипом приоткрывала то один свой глаз — кондитерскую, то другой — продуктовую лавку... На углу зеленщик выкладывал из корзин на прилавок влажно вздыхающий товар...

ВИЛЛА «УТЕШЕНИЕ»

Я пошла наугад, почти на ощупь, как в детстве: со слипшимися от сна глазами бредешь в январском рассветном студне в гостиную, чтобы первой нащупать под елкой подарок... — и минут через десять оказалась все у того же фонтана Треви.

В слабом растворе утреннего солнца было особенно заметно, сколь невелика эта, пустая сейчас, площадь и как светла, как грандиозна восставшая из недр ее скульптурная группа с крылатыми морскими конями и опоясанным летучими складками Нептуном, мускулистой ногою ступившим на гребень раковины... Мерным шумом потоки низвергались в бассейн фонтана, — все было ополоснуто отраженными волнующимися бликами.

Под недреманным оком карабинеров, скучающих на ступенях вокруг фонтана, по колено в воде крутились двое рабочих в куртках и резиновых сапогах. Граблями сгребая россыпи монет, они возделывали длинную блескучую змею, вьющуюся по голубому дну фонтана, после чего наполняли бредни рыбьей чешуей монеток и сыпали в пластиковые мешки... — муниципальный улов во славу процветания Вечного Рима.

...Живая паутина света металась по напрягшимся торсам возничих, сдерживающих вздыбленных коней среди скал, по мраморной тунике Нептуна, по мощно вылепленным икрам его царственных ног...

Уже через полчаса Рим пробудился: там и тут все чаще раздавался треск мотоциклов, разноязыкий говор, надсадные крики торговцев — шумы

ДИНА РУБИНА

великого города. И когда я возвращалась в гостиницу — надо было собрать дорожную сумку, позавтракать, расплатиться, — гром мотоциклов уплотнился, окреп, взлетая к высоким, как черные облака, кронам вечных пиний.

Блеск пальм, витрины роскошных бутиков модных дизайнеров... — вокруг расстился Рим в его незыблемом великолепии.

Завтракали мы на террасе, зажатой меж черепичными крышами более низких соседних домов, между балконами, увешанными подштанниками и детскими рубашонками. Поверху терраса была перекрыта виноградными лозами с целой бурей узорных листьев, сквозь которые солнечный свет проникал и шевелился, ежесекундно рисуя, сметая и вновь рисуя иероглифы на белых скатертях.

Завтрак здесь подавали «континентальный», то есть скудный и скучный — все тот же неистребимый круассан с маслом и повидлом и кофейник, один на двоих.

— ...Так вот, она влюбилась в него по уши, и когда забеременела, тут на минуточку и выяснилось, что он не может оставить жену.

— Почему?

Мы продолжали говорить о неведомой мне Марии, с которой предстояло познакомиться... Вообще всю эту поездку, вернее, этот авантюрный финт в сторону, придумала и разработала моя подруга — страстная, легкая на подъем путешественница. Узнав, что меня пригласили

ВИЛЛА «УТЕШЕНИЕ»

в Мюнхен участвовать в очередном «круглом столе», посвященном очередному неразрешимому вопросу русской литературы, она уговорила меня по пути назад «тормознуть» в Риме и дня на два махнуть в Сорренто, где ее знакомая, та самая Мария, держала недорогой пансион в старой дедовой вилле, на высокой скале, над заливом...

— ...А он ее тоже любил?

— Судя по всему, да... Но ты же знаешь мужчин... Они либо трусы, либо корчат из себя благородных... Да нет, конечно, любил, и любит... Он работал здесь в какой-то фирме, они познакомились, и он потерял голову... Ты увидишь, есть в ней такой итальянский шарм... Но у жены, которая оставалась в Хайфе, обнаружили Альцгеймер, ну, и он не смог «совершить предательства», вернулся в Израиль... Типично мужская логика — если б он бросил жену здоровой, это бы предательством не считалось... Мария какое-то время металась, приезжала к нему, возвращалась опять сюда... В один из таких ее налетов мы случайно познакомились на фестивале клейзмеров в Цфате...

— И... она избавилась от ребенка?

— Зачем же? Чудную девку родила, зовут Сандрой... Ей сейчас уже лет десять...

— А что жена...

— ...В том-то и дело! Жива, жива и жива, хоть ты тресни! Прикована к постели. И он ухаживает за ней, как преданнейшая сиделка. Вырывается в Италию несколько раз в году — повидать дочь и Марию, — и конца этой истории не видно...